

Научная статья

УДК 811.511.142

doi: 10.17223/19996195/57/2

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ВАХОВСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виктория Владимировна Воробьева^{1, 2},
Ирина Владимировна Новицкая³,
Наталья Викторовна Дубровская⁴

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия

² Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН, Москва, Россия

^{3, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{1, 2} vorobeva@tpu.ru

³ irno2012@yandex.ru

⁴ ruraru@yandex.ru

Аннотация. Анализируется система временных (темпоральных) показателей глагола в ваховском диалекте хантыйского языка. Цель исследования заключается в установлении спектра значений глагольных темпоральных суффиксов и в представлении их авторской интерпретации. Источниками материала послужили полевые данные, собранные одним из авторов в селе Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 г. Лингвистические данные получены с помощью заранее адаптированных и переведенных на русский язык анкет, предложенных шведским лингвистом Эстеном Далем (Esten Dahl). Интерпретация семантики осуществлялась с учетом типологического своеобразия суффиксов в сравнении с подобными маркерами других диалектов хантыйского языка. Временная система ваховского хантыйского, представленная двучленной оппозицией по типу «прошедшее/непрошедшее», включает в себя суффиксальные репрезентанты, которые неравномерно распределяются по соответствующим фрагментам временного поля. Большее количество функционально различных суффиксов представлено в зоне прошедшего времени, которые, по мнению авторов, сосредоточены на выражении метрического временного дейксиса. Согласно полевым данным, суффиксы прошедшего времени в исследуемом диалекте вступают в парадигматические отношения, указывая на различную отдаленность прошлого действия от момента речи. Суффикс *-s* ориентирован на маркирование ближайшей темпоральной дистанции, *-yas/-yäs* сигнализирует о близкой темпоральной дистанции, в то время как суффикс *-yal/-yäl* указывает на отдаленную темпоральную дистанцию. Для маркирования настоящего или футуриального временного периода используются функционально однородные суффиксы *-l/-w/-wäl(-wäl)*, формирующие единую парадигму по лицам и числам субъекта. Семантика нулевого суффикса *Ø* представляется наиболее сложной для интерпретации, поскольку языковой материал указывает на способность данной граммы относиться действие к как прошедшему, так и к настоящему времени. Наблюдается тенденция к закреплению за данной морфемой функции маркера настоящего времени. Полевые данные позволяют также предположить, что темпоральные

суффиксы *-s* и *Ø* обладают синкретичной семантикой и могут сигнализировать об аспектуальных характеристиках обозначаемого действия. Языковые примеры свидетельствуют в пользу того, что суффикс *-s* может маркировать семантику завершенности и результативности действия, а нулевой суффикс – семантику незаконченности действия. Суффиксы ближнего и отдаленного прошлого, *-yas/-yäs* и *-yal/-yäl* соответственно, в выражении аспектуальных значений не задействованы. Представленные результаты могут быть использованы для актуализации сведений о темпоральной морфологии глагола в ваховском хантыйском языке, так как были получены из новейших полевых данных, собранных в XXI столетии. Авторы не настаивают на завершенности полученных выводов, планируют новые экспедиции и дальнейшую обработку имеющегося полевого материала в полном объеме, допускают возможность последующего уточнения интерпретации значений ваховских темпоральных маркеров.

Ключевые слова: хантыйский язык, ваховский диалект, полевые данные, глагольная морфология, время, темпоральные суффиксы

Благодарности:

Авторы выражают благодарность доктору филологических наук, члену-корреспонденту РАН А.В. Дыбо и доктору филологических наук Ю.В. Норманской за помощь в организации экспедиций к местам проживания ваховских ханты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, проект № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири».

Для цитирования: Воробьева В.В., Новицкая И.В., Дубровская Н.В. Временная система ваховского диалекта хантыйского языка по материалам современных полевых исследований // *Язык и культура*. 2022. № 57. С. 30–59. doi: 10.17223/19996195/57/2

Original article
doi: 10.17223/19996195/57/2

THE TEMPORAL SYSTEM OF VAKH KHANTY (A CASE STUDY OF THE MODERN FIELD RESEARCH DATA)

Victoria V. Vorobeva^{1,2}, Irina V. Novitskaya³, Natalia V. Dubrovskaya⁴

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

² Ivannikov Institute for System Programming of the RAS, Moscow, Russia

^{3,4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

^{1,2} victoriavorobeva@mail.ru

³ irno2012@yandex.ru

⁴ ruraru@yandex.ru

Abstract. The article presents findings resulting from an analysis of the system of verbal tense markers in the Vakh dialect of the Khanty language. The purpose of the study is to establish a range of meanings of verbal temporal suffixes and to provide their authorial interpretation. The source of linguistic materials was the field data collected by one of the authors in the village of Korliki, Nizhnevartovsk region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in 2019. These linguistic data were obtained by means of the questionnaires proposed by the Swedish linguist Esten Dahl which had

been previously adapted and translated into Russian. The interpretation of data took into account the typological uniqueness of the suffixes in comparison with similar markers of other dialects of the Khanty language. The temporal system of Vakh Khanty is represented by an opposition of the “past/unpassed” types. The system includes suffix representatives that are unevenly distributed over the corresponding fragments of the temporal field. A large number of functionally different suffixes are presented in the past tense zone, which function as markers of the metric temporal deixis. According to the field data, the suffixes of the past tense in the Vakh dialect enter into paradigmatic relations, indicating a different remoteness of the past action from the moment of speech. The *-s* suffix focuses on marking the closest temporal distance, the *-yas/-yās* suffix indicates a close temporal distance, while the *-yal/-yāl* suffix indicates a distant temporal distance. Functionally homogeneous suffixes *-l/-w/-wəl(-wāl)* are used to express the present or futural time period. Their forms depend on the person and number of the subject. The semantics of the zero suffix *Ø* seems to be the most difficult to interpret, since the linguistic material indicates the ability of the given grammeme to relate the action to both the past and present tenses. This marker tends to consolidate the function of a marker of the present time. Field data also suggest that the temporal suffixes *-s* and *Ø* have syncretic semantics and may signal the aspectual characteristics of the denoted action. Linguistic examples indicate that the suffix *-s* can mark the semantics of the completeness and effectiveness of the action, and the suffix *Ø* – the semantics of the incomplete action. The suffixes of the near and distant past *-yas/-yās* and *-yal/-yāl*, respectively, are not used in the expression of aspectual meanings. The results presented in the article can be used to actualize the temporal morphology of the verb in the Vakh Khanty language, as they were obtained from the latest field data collected in the 21st century. The authors of the article reserve the right to provide an updated interpretation of the values of Vakh temporal markers after processing the field material in full or obtaining new data as a result of upcoming expeditions. The results presented in the article can be used to update the information on the temporal morphology of the verb in the Vakh Khanty language, since they were obtained from the latest field data collected in the 21st century. The authors of the article do not insist on the finality of the conclusions obtained, they plan new expeditions and further processing of the available field material, they admit the possibility of further clarifications regarding the semantics and functions of the Vakh Khanty temporal markers.

Keywords: Khanty, Vakh dialect, verbal morphology, tense, temporal markers

Acknowledgments:

The authors are grateful to Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.V. Dybo and Doctor of Philology Yu.V. Normanskaya for their help in organizing expeditions to the places of residence of the Vakh Khanty.

The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No. 14.Y26.31.0014 “Linguistic and ethno-cultural diversity of Southern Siberia”.

For citation: Vorobeva V.V., Novitskaya I.V., Dubrovskaya N.V. The temporal system of Vakh Khanty (a case study of the modern field research data). *Language and Culture*. 2022;57: 30-59. doi: 10.17223/19996195/57/2

Введение

Целью настоящей статьи является представление авторского подхода к интерпретации системы глагольных маркеров времени в ваховском диалекте хантыйского языка с учетом их типологического своеобразия по отношению к временным системам других диалектов хантыйского. В работе обсуждаются отличительные особенности временной системы ваховского диалекта хантыйского языка, выявленные на материалах полевых исследований. Полевые данные, послужившие источниками материала для настоящей статьи, были собраны в ходе научной экспедиции в село Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа Югры в 2019 г.

Хантыйский язык принадлежит коренному малочисленному сибирскому народу ханты. Распространение хантыйского языка происходило на довольно обширной территории Сибири, что привело к распадению хантыйского языка на три диалектные группы: северную, южную и восточную, в каждой из которых выделяется по несколько диалектов и говоров. К настоящему времени полностью ассимилировались не только отдельные говоры и диалекты, но вся южная группа. Прогрессирующее разрушение хантыйской языковой среды продолжается. Из восточной диалектной группы сегодня на этническом языке сохраняют коммуникацию сургутские и ваховские ханты. Последние из упомянутых проживают в селе Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа Югры, а также близлежащих и отдаленных родовых угодьях, принадлежащие семьям корликовских ханты. Село расположено в верхнем течении реки Корлики – участке реки Вах правого притока верхнего бассейна Оби. Слово «корлики» произошло от хантыйского «корлькив», которое в переводе означает «круг, извилистая река с крутыми поворотами». В селе проживают семьи ваховских ханты – Кунины, Каткалевы, Хохлянкины, Сигильетовы, Могульчины, Прасины. Село характеризуется как труднодоступное и изолированное, благодаря чему коренные жители сохранили традиционный уклад жизни предков и родной язык, несмотря на то что все ханты села билингвы. На территории низовьев и среднего течения реки Вах, в зону которого также входит распространение ваховского диалекта хантыйского языка, этническое население уже не говорит на родном языке.

Языковые данные, послужившие материалом для исследования, собирались одним из авторов статьи летом 2019 г. на территории описанного выше села. Лингвистическая информация была получена от Е.А. Куниной и Ж.А. Хохлянкиной. Евгения Алексеевна Кунина родилась в 1943 г. в поселке Красный Север в 70 км от пос. Корлики. Жанна Александровна Хохлянкина (Могульчина) родилась в 1967 г. в пос. Корлики. Оба информанта родились в хантыйских семьях, прожи-

вавших на угодьях. Общение членов семьи происходило на родном языке. Все информанты являются билингвами и оценивают свой уровень владения родным языком как *'semi-speaker'* по классификации К. Гринвальд [1. Р. 12–15].

Для сбора лингвистической информации был использован метод анкетирования. Элиситация необходимых данных происходила с помощью заранее обработанных и переведенных на русский язык анкет на тему «Грамматическое время», предложенные Эстеном Далем [2. Р. 198–206]. Одна и та же анкета, содержательно ориентированная на выявление темпоральных и аспектуальных характеристик хантыйского глагола, была записана дважды от каждого респондента, т.е. Е.А. Куниной и Ж.А. Хохлянкиной. В анализ также вошли прозаические тексты, рассказы и сказки, записанные от коренных жителей села. Две основные сказки, «Две птички-сёстры» и «Песня мышонка», рассказанные сказительницей Татьяной Фёдоровной Каткалевой, учительницей-пенсией хантыйского языка, были расшифрованы Евгенией Алексеевной Куниной. В настоящее время собранный материал постепенно расшифровывается, глоссируется и размещается на сайте проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» Лигводок (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3568/147/perspective/3568/151/view>), в рамках которого выполняется исследование. Объем корпуса собранных и проанализированных языковых данных составляет около 5 тыс. слов.

Методология исследования

Представляемое в статье исследование было проведено с опорой на теоретические положения общей и типологической лингвистики. Методологической базой исследования послужили концепции и теории, представленные в работах [2–14].

Согласно мнению Б.А. Серебренникова [15. С. 8], грамматическая категория времени служит для хронологического соотнесения высказывания с моментом речи, при этом наряду с действием или состоянием в определенный временной план переносятся все связанные с ними слова субстантивного и адъективного характера. Временная локализация сообщаемого события может быть соотнесена с временным планом прошедшего, настоящего и будущего, что позволяет говорить о трехчленных временных системах, но в «конкретных языках встречаются и двучленные системы типа «настоящее/ненастоящее», «прошедшее/непрошедшее», «будущее/небудущее» [16. С. 22]. Так, к двучленным языкам, будущая ситуация в которых описывается граммемами непрошедшего времени, относятся финский, японский, алгонкские языки [14. С. 269]. Временная си-

стема исследуемого нами хантыйского языка двучленна по типу «прошедшее/непрошедшее».

Как известно, понятие времени само по себе не является достаточным основанием для выделения в системе грамматических средств языка особой грамматической формы или категории времени. Например, в русском языке форма прошедшего времени может выражать те же значения, что и перфект [15. С. 7]. Идентификация в языке какого-либо грамматического времени опирается на критерий выделяемости граммы. Хотя категория времени может претендовать на универсальную лингвистическую категорию, в мире встречаются языки, как, например, бирманский, в которых граммем времени нет [17. Р. 51]. В таких языках соотносительность с временным полем осуществляется посредством лексических средств (*вчера, сегодня, год назад* и т.д.).

Сложность систем различных времен, существующих в языках мира, обусловлена взаимоотношением между фактом объективной действительности, логическим понятием и единицей грамматического строя. Грамматический строй любого языка отражает то, какие характеристики действия находят отражение в морфологии языка, при этом допускается, что какие-то свойства или характеристики могут быть логически осознаваемыми, но не иметь материального грамматического выражения.

В типологической литературе выделяют три вида временного дейксиса: абсолютное (дейктическое, первичное), относительное (анакорическое, вторичное) и метрическое [2, 9–12]. Граммы абсолютного временного дейксиса связывают ситуацию с настоящим, прошедшим или будущем полем временной оси, например *ест, ела, будет есть*. Граммы относительного временного дейксиса локализуют ситуацию внутри временного интервала настоящего, прошедшего и будущего времен, например англ. *had read, would read*. Граммы метрического временного дейксиса дополнительно различают степени отдаленности от момента речи. Во временных системах языков мира метрические временные системы типологически редки.

Временной дейксис ничего общего не имеет с тем, как развивалась сама ситуация (т.е. была ли она мгновенной или длительной, завершилась или нет), эти сведения передаются разнообразными граммами аспекта (вида) [14. С. 268]. Аспектуальные формы глагола практически во всех языках в той или иной степени имеют отношение к выражению дейктического времени [14. С. 258]. Аспектуальные категории определяют ситуацию с точки зрения характера ее протекания во времени (длительности, ограниченности, наличия результата и т.д.) [14. С. 281]. Не все языки обладают грамматической категорией вида; она рассматривается как скрытая семантическая или понятийная категория [15. С. 26; 18. С. 117; 19. С. 170; 20. С. 167–168].

С точки зрения таких ученых, как Б. Комри [7. Р. 9], Дж. Лайонс [6. Р. 74], М. Джонсон [8. Р. 148], грамматические времена имплицитно маркируют аспект, что проявляется в том, что, например, древнегреческий аорист выражает значение прошедшего времени с аспектом совершенности [21. С. 79]. Абсолютные грамматические времена маркируют перфектный или неперфектный аспект, в то время как относительные грамматические времена маркируют перфектный или предполагаемый (проспективный) аспект. Так, в английском простые прошедшее и будущее времена полисемично совершенные и несовершенные [22]. Время и аспект взаимодействуют друг с другом, а также с Aktionsart и наклонением, особенно с эвиденциальностью и инференциальностью. Аспект также взаимодействует с залогом [12].

В языках мира возможны времена стабильные, но наряду с ними могут также существовать времена, постепенно исчезающие или вновь возникающие. Например, в языке сургутских ханты, наиболее близко географически локализованном к исследуемому языку ваховских ханты, одна из форм прошедшего времени, маркированная суффиксом *-s*, практически утратила свое употребление в современном языке [23].

Исследование и результаты

Временная система хантыйского глагола двучленна по типу «прошедшее/непрошедшее», а глагольная форма содержит морфемы, выражающие особую залоговую, видовую, временную и личностно-числовую семантику. Абсолютный временной дейксис представлен граммемами настоящего и ненастоящего времени. Категория аспекта либо не выделяется (см., например, [24. Р. 55–70; 25. Р. 103–123; 26; 27. Р. 47–52]), либо смешивается со способами действия (см., в частности, [28. С. 215–216; 29. С. 92; 30. С. 335; 31]). Последнее положение, наряду с отрицанием категории вида, до недавнего времени являлось традиционным и в отношении большинства других уральских языков (см., например, [15. С. 23; 32. С. 70–80; 33. С. 26]). Основываясь на более широком подходе к интерпретации понятия глагольного вида, ряд исследователей, тем не менее, выделяют данную категорию в некоторых финно-угорских языках, в частности в финском [34. С. 157], коми [35. С. 272–273], венгерском [36. С. 264–265; 37], а также в самодийских языках [38. Р. 139–141; 39. Р. 143].

Существующие на сегодняшний день исследования глагольной морфологии северных диалектов хантыйского языка позволяют сделать вывод о наличии в нем видовременной глагольной системы. При рассмотрении категории наклонения-времени в северно-хантыйском языке М.И. Черемисиной, Е.В. Ковган (1989), А.Д. Каксиным (2000) отмечаются некоторые видовые оттенки (например, такие как длительность и

перфектность), выявляемые в значении временных глагольных форм. Однако самыми распространенными значениями из семантической зоны аспектуальности, вовлекаемыми в систему категории наклонения-времени хантыйского языка, являются оппозиционные значения результативности (совершенности/предельности) и нерезультативности (несовершенности/непредельности). О средствах передачи значения совершенности (результативности) в северо-хантыйском языке см.: [26. С. 9, 28–34; 40]. По мнению авторов, выражение того или иного аспектуального значения зависит не только от выбора временной формы, но и от условий контекста, соответствующих обстоятельству времени и лексического значения глагола. Данные, полученные на материале северо-хантыйских диалектов, хотя могут подтверждаться для восточно-хантыйских, в том числе и для вах-васюганского, все же не могут быть отнесены к ним в полной мере ввиду значительного своеобразия восточно-хантыйского. Так, например, в северно-хантыйских диалектах система временных форм не характеризуется признаком близости/отдаленности, в то время как в восточном вах-васюганском хантыйском это различие имеется. Кроме того, такого многообразия показателей прошедшего времени (четыре) не встречается ни в одном другом диалекте хантыйского языка.

По материалам грамматических очерков в ваховском диалекте хантыйского языка временная система представлена как двучленная, в ней выделяются суффиксы прошедшего и непрошедшего времени. Непрошедшее время маркируется функционально однородными суффиксами *-l/-w/-wəl/-wəl*. Суффикс *-w* употребляется во 2 л. ед. ч. Суффикс *-wəl/-wəl* – в 3 лице ед. и мн. ч. Суффикс *-wəl/-wəl*, по мнению Н.И. Терёшкина, представляет собой сочетание двух показателей непрошедшего времени – *-w* и *-l* [41. С. 80]. Во всех остальных лицах и числах употребляется суффикс *-l*. Происхождение хантыйского единого для всех диалектов суффикса настоящего времени *-l- (l Σ t (w Σ p)* [42. Р. 407]) не установлено [43. Р. 23].

Представим парадигму спряжения глагола *wertä* ‘делать’ по материалам Н.И. Терёшкина [41. С. 80]: *mä wer-l-äm* ‘я делаю’, *min wer-l-äm* ‘мы вдвоем делаем’, *məŋ wer-l-öŋ* ‘мы делаем’, *noŋ wer-w-än* ‘ты делаешь’, *nin wer-l-ätän* ‘вы вдвоем делаете’, *nəŋ wer-l-ätäŋ* ‘вы делаете’, *löŋ wer-wəl* ‘он делает’, *lin wer-l-äŋ* ‘они вдвоем делают’, *läŋ wer-wəl-t* ‘они делают’. Суффиксов прошедшего времени три: *-s*, *-yas/-yäs*, *-yal/-yäl*. Уточнение всего спектра их значений является не до конца решенной задачей, что следует заключить в ходе анализа трудов исследователей вах-васюганского наречия. Семантика суффиксов прошедшего времени в вах-васюганском хантыйском продолжает оставаться дискуссионным вопросом, стоящем на повестке дня уже более века.

В записках К.Ф. Карьялайнена, которые были сделаны на рубеже XIX–XX вв., говорится о двух временных суффиксах в ваховском диалекте. Так, автор выделяет суффикс *-l*, суффикс *-w* во 2 л. ед. ч. и суффикс *-wäl/-wəl* в 3 л. ед. и мн. ч., который служит для маркирования события в настоящем (Gegenwart). Форма глагола на *-s* указывает на событие в прошлом (Vergangenheit) [44]. В васюганском диалекте, который составляет одно наречие с ваховским, К.Ф. Карьялайнен выделяет все четыре суффикса времени, которые функционируют в современном ваховском хантыйском. Из числа этих морфем значение настоящего времени выражается суффиксом в формах *-l/-w/-wel/-wäl*, в то время как имперфектное (Imperfect) событие маркируется суффиксом *-s* или невыраженным материально (нулевым) суффиксом перфекта (Perfect), прошедшее имперфектное (Hist. Imperfect) событие оформляется суффиксом *-yas/-yäs* (< *-kas/-käs*), а прошедшее перфектное (Hist. Perfect) – суффиксом *-yal/-yäl* (< *-kal/-käl*) [44. Р. 180–181]. В сургутском диалекте выделяется три временные формы: форма настоящего времени на *-l*, имперфектная форма на *-s* и перфектная форма с нулевым суффиксом (материально невыраженная) [44. Р. 268]. В современном сургутском осталось две формы времени: непрошедшего на *-l* и прошедшего – без материально выраженного показателя. В табл. 1 представлена система показателей грамматических времен по материалам Л. Хонти [27. С. 51].

Таблица 1
Система показателей времени в диалектах хантыйского языка

Грамматическое время	Вах.-вас.	Сург.	Салым.	Низ.	Шерк.	Каз.	Бер.	Обд.
Презенс	l	λ	t	t	t	λ	l	l
Перфект	Ø	Ø	Ø	Ø	–	–	–	–
Имперфект	s	(s)	(s)	–	s	s	s	s
Прошедший Перфект	yal/yäl	–	–	–	–	–	–	–
Непрошедший Перфект	yas/yäs	–	–	–	–	–	–	–

Из данных табл. 1 следует, что в вах-васюганском наречии имеется один показатель для обозначения настоящего времени *-l* и четыре показателя – для прошедшего: *Ø*, *-s*, *-yal/-yäl*, *-yas/-yäs*. В сургутском диалекте, относящемся к этой же группе, а также в диалекте переходного типа – салымском, как и в южном низямском, выделяются два грамматических показателя: *-λ/-t* и *-Ø*. В переходном из южной в северную группу шеркальском диалекте временными показателями выступают *-t*, *-s*. В северной группе хантыйских диалектов определяются две граммемы времени: *-λ/-t* и *-s*.

В ваховском диалекте хантыйского Н.И. Терёшкин различает четыре показателя прошедшего времени, но интерпретирует их по-иному. С точки зрения исследователя, формы прошедшего времени на *-s*, $\emptyset$, *-yäs/-yas* и *-yal/-yäl* по своей семантике различаются в двух аспектах: по давности и определенности. В табл. 2 показано, как суффиксы прошедшего времени вовлечены в противопоставление по признаку определенности – неопределенности момента, в который произошло событие в прошлом.

Таблица 2

Система суффиксов прошедшего времени по данным Н.И. Терёшкина
[41. С. 81–82]

Время	Определенное прошедшее	Неопределенное прошедшее
Недавно прошедшее	<i>-s</i>	<i>-yas/-yäs</i>
Давно прошедшее	$\emptyset$	<i>-yal/-yäl</i>

Автор грамматики поясняет [41], что формы недавно прошедшего времени, характеризующиеся суффиксами *-s* и *-yas/-yäs*, выражают действие, которое произошло или происходило в момент, близкий к моменту высказывания, или, во всяком случае, в такой момент, который не может считаться очень далеким от последнего. При этом прошедшее время с суффиксом *-s* употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть, что данное действие происходило или произошло в определенный момент, являющийся близким к моменту высказывания. Прошедшее время на *-yas/-yäs*, наоборот, употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть, что оно происходило или произошло в неопределенный момент, являющийся относительно близким к моменту высказывания. Формы давно прошедшего времени, характеризующиеся отсутствием суффикса или суффиксом *-yal/-yäl*, выражают действие, которое произошло или происходило в момент, далекий от момента высказывания, или, во всяком случае, в такой момент, который не может считаться очень близким к последнему. При этом прошедшее время без суффикса употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть, что данное действие происходило или произошло в момент, являющийся, безусловно, далеким от момента высказывания. Прошедшее время с суффиксом *-yal/-yäl*, наоборот, употребляется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что данное действие происходило или произошло в момент, являющийся относительно далеким от момента высказывания. По мнению Н.И. Терёшкина, формы неопределенного прошедшего времени свойственны исключительно ваховскому диалекту, а в других диалектах эти формы не встречаются даже в реликтах [41. С. 81–82].

В исследованиях по ваховскому диалекту Я. Гуя упоминается пять временных суффиксов, употребление которых автор интерпретирует сле-

дующим образом. Непрошедшее время маркируется суффиксом *-l* и его формами: *-w* – для 2 л. ед. ч. и *-wəl/-wəl* – для 3 л. ед. и мн. ч. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Система суффиксов прошедшего времени Я. Гуя [26. С. 110–111]

Показатель	Соотносится с определенным моментом в прошлом	Не соотносится с определенным моментом в прошлом
Действие в прошлом	–	Ø
Действие, завершённое в далеком прошлом, длительное	<i>-yal/-yäl</i>	–
Действие, совершённое в прошлом до наступления другого действия, обозначенного суффиксом <i>-s</i>	<i>-yas/-yäs</i>	–
Действие, прошедшее недавно или только что свершившееся, завершённое, кратковременное	<i>-s</i>	–

С точки зрения Я. Гуя, суффикс прошедшего времени *-s* используется для маркирования только что свершившегося или недавно произошедшего действия. Кроме того, этот суффикс используется для обозначения законченного действия, иногда кратковременного по длительности, в прошлом. Суффикс прошедшего времени *-yas/-yäs* указывает на действие, совершённое в прошлом до наступления другого действия, обозначенного суффиксом *-s*. Суффикс прошедшего времени *-yal/-yäl* используется для выражения завершённого, длительного действия, свершившегося относительно давно в прошлом. Глаголы с суффиксами *-s*, *-yas/-yäs* и *-yal/-yäl* можно соотнести с определенным моментом в прошлом, но их сравнение относительно друг друга не устанавливается. Бессуффиксальное прошедшее время обозначает прошедшее время без привязки к определенному периоду [26. С. 110–111].

В монографии А.Ю. Фильченко [45. Р. 244–245], посвященной описанию грамматического строя васюганского диалекта, темпоральная оппозиция также представлена как двучленная по типу «прошедшее/непрошедшее». На оси прошедшего времени основными критериями выбора одного из маркеров прошедшего времени являются относительное временное расстояние от момента высказывания и относительная релевантность по отношению к моменту высказывания (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Система суффиксов прошедшего времени по данным А.Ю. Фильченко [46. С. 244–245]

Время	Релевантное прошедшее	Нерелевантное прошедшее
Недавно прошедшее	<i>-s</i>	<i>-yas/-yäs</i>
Давно прошедшее	Ø	<i>-yal/-yäl</i>

Относительно недавно прошедшее событие, которое является более релевантным для момента речи, маркируется показателем *-s*, а то, которое является менее релевантным, менее определенным или менее значимым, маркируется суффиксом *-yas/-yäs*. Далее, относительно удаленное прошедшее событие от речевого акта, которое является более определенным или релевантным по отношению к речевому акту, маркируется суффиксом *-yal/-yäl*, а то, которое менее определено по своему местоположению или менее релевантно относительно момента речи, не маркируется [45. С. 244–245].

Как следует из приведенных выше описаний, один из критериев употребления четырех временных маркеров, предложенных российскими учеными (Терёшкиным – для ваховского, Фильченко – для васюганского диалекта), не совпадает. Так, Н.И. Терёшкин оперирует понятием определенности, а А.Ю. Фильченко – понятием релевантности. У венгерских ученых Л. Хонти и Я. Гуя в классификации временных маркеров выделяется параметр завершенности (*completeness*). Можно констатировать расхождение мнений хантологов только в отношении одного из критериев употребления маркеров события в прошлом, а именно того, который связан с аспектуальностью. Критерий отдаленности во времени от момента речи учитывается всеми хантологами без исключения.

Аспект (вид) является центральным понятием в системе аспектуальности, в которой разграничивают такие термины, как «вид» и «способ действия» (последний – от нем. *Aktionsart*). Отличием между ними является тот факт, что способы действия не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата, т.е. они не образуют грамматической категории, оставаясь только в рамках лексических различий между глаголами [7. Р. 7; 14. С. 282]. Способы действия наряду с категорией вида (аспекта) и предельностью/непредельностью входят в круг наиболее дискуссионных тем в теории аспектуальности. Традиционным положением современной аспектологии является рассмотрение способов действия в качестве достаточно автономной, формальной и содержательной области глагольной системы.

В финно-угорских языках суффиксы видового значения противопоставляются в основном не по совершенности/несовершенности действия, а по возможности выражения мгновенности (начинательности), кратковременности, т.е. по количественному признаку, с одной стороны, и по выражению повторности, продолжительности, рассредоточенности – с другой. Что касается суффиксов залогового значения, то они противопоставляются по выражению средневозвратного, страдательного и взаимного значения, с одной стороны, а с другой – по выражению переходности и побудительности [46. С. 18].

Хантыйский язык в целом характеризуется обилием суффиксов, специализирующихся на передаче различных оттенков протекания дей-

ствия [15. С. 34–35; 31; 47. С. 250–251; 48. С. 4]. Суффиксальные морфемы, задействованные в маркировании способов действия, вносят дополнительные характеристики в лексическое значение исходного глагола, а именно характеризуют многократность/однократность, интенсивность/аттенуативность действия, указывают на его внутреннюю расчлененность. Средства выражения способов глагольного действия на материале вах-васюганского диалекта хантыйского языка были описаны в работах [30, 49]. Например,

- (1) *weli-t-nä-ti* *jäl-il-l-üy*
олень-PL-COM-PRTC *ездить*-MULT-NPST-SBJ.1PL
[Мы] на оленей ездим [многократно].
- (2) *pükini* *aməs-wäytə-s*
заяц сидеть-MONT.DIM-PST1.SBJ.3SG
Заяц посидел.
- (3) *wajy-alj-t* *lišk-əḱatə-s-ət*
зверь-DIM-PL смеяться-INCH-PST1-SBJ.3PL
Зверята [начали] смеяться.

В хантыйском языке помимо суффиксов видовой и временной семантики глагольная основа может быть осложнена суффиксами залоговой семантики, придающей действию каузативный характер. Кроме того, в языке имеются суффиксы для преобразования непереходных глаголов в переходные или непереходных с рефлексивным значением в переходные [50. С. 35]. Значения транзитивности, каузативности и рефлексивности ниже упоминаются как суффиксы особой залоговой семантики (см. о других типах залога: [14. С. 198–222]).

Порядок следования суффиксов в хантыйской глагольной словоформе строго регламентирован и может представлять собой длинную вереницу следующих суффиксов: деривационный суффикс, суффикс особой залоговой семантики, суффиксы способов действия, временной суффикс, залоговый суффикс и лично-числовой суффикс субъектного или объектного спряжения. Обязательные при образовании глагольной словоформы суффиксы – временной, залоговый и лично-числовой, присоединяются в конце, соблюдая порядок следования. В одном морфемном ряду может стоять более одного суффикса способа действия. Так, Н.Н. Шаламова отмечает, что наиболее распространенной является комбинация двух суффиксов способов действия, хотя возможно сочетание из трех суффиксов. Глагол с различной комбинацией суффиксов способов действия подробно характеризует разнообразные оттенки протекания глагольного действия. Основным смысловым оформителем является обычно последний суффикс, который и является функционально сильным. Он может служить как для усиления значения первого суффикса, так и для внесения нового оттенка [31. С. 115–116]. Например:

- (4) *weli-t* *koŋl* *merə* *pörki-nə* *əla-wəl-t* *itən-äti* *os*
 олень-PL день в. течение дымокур-LOC лежать-PRS-SBJ.3PL вечером-PTCP ещё
wor on-pa jəl-wäytə-wəl-t
 лес нутро-ALL бегать-MONT.DIM-NPST-SBJ.3PL
 Олени у дымокура лежат, вечером сбегают в лес.
- (5) *lönkr-äli* *äŋkəl* *oŋti-a* *kan-tə-s* *päni*
 мышь-DIM пень поверхность-LAT взбираться-TR-PST1.SBJ.3SG и
körmäyl-il-əkhətə-s, ləy-əl-nä narmälə-wəl,
 вертеться-MULT-INCH-PST1.SBJ.3SG хвост-POSS.3SG-COM играть-NPST.SBJ.3SG
əjlänə tōy-əl təwsəkən-tə-s
 вдруг туда-POSS.3SG падать-TR-PST1.SBJ.3SG
 Мышка на пень залезла и начала вертеться, хвостом играет, вдруг свалилась.

Данные о временной системе ваховского диалекта хантыйского языка, представленные в грамматических очерках, дополняются данными полевых исследований, проведенных в текущем столетии. Для уточнения значений граммем, входящих во видо-временную систему глагола ваховского диалекта хантыйского языка, были проанализированы материалы полевых записей, выполненных в ходе научной экспедиции в 2019 г. Решение данной задачи предполагало анализ функционирования суффиксов прошедшего и непрошедшего времени, а также выявление комплексной и синкретичной природы семантики указанных граммем.

Временная система ваховского диалекта хантыйского языка состоит из двучленной оппозиции маркеров прошедшего и непрошедшего времени. В сфере прошедшего времени маркеров больше, чем в области настоящее-футуриальной семантики, которая репрезентирована разными по форме показателями с единым значением.

Рассмотрим темпоральные маркеры *-l/-w/-wəl/-wəl* (NPST). В хантыйском языке только в вах-васюганском наречии наблюдается несколько показателей для выражения непрошедшего временного периода. Функционально однородные суффиксы непрошедшего времени *-l/-w/-wəl/-wəl* сигнализируют о локализации ситуации в настоящем или будущем времени. Н.И. Терешкин определяет данные морфемы как суффиксы, однако их неустановленное происхождение не позволяет сделать однозначное заключение о том, являются ли данные морфемы формами одного и того же суффикса или разными суффиксами, включенными в одну парадигму. В дальнейшем описании данные морфемы будут называться функционально однородными суффиксами непрошедшего времени.

Значение настоящего или будущего времени однородных суффиксов *-l/-w/-wəl/-wəl* «задается» условиями контекста, т.е. определенное значение – футуриального или настоящего времени – маркер получает в реальных условиях коммуникации. Так, в примере (6) маркер *-l* в условиях контекста приобретает значение настоящего времени и соотносит ситуацию с моментом в будущем:

- (6) *āni-l* сестра-POSS.3SG *kōm* на, улицу *lōkə-s* кинуться-PST.2.SBJ.3SG *pāni* и
kaḳ-āli-l младший.брат-DIM-POSS.3SG *joḡpa* домой *waḡ-l-āto:* звать-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG
kaḳ-āli-m младший.брат-DIM-POSS.1SG *joḡpa* домой *jō-ḡ-ā* идти-EP-IMP.SBJ.SG *mā* 1SG *təm* здесь
nōḡ-ā 2SG-LAT *kaḡcaḡ* узорный *n'ir-āli-ḳḳəḡ* хантыйская обувь-DIM-DU *pāni* и *kaḡcaḡ* узорный
pas-āli-ḳḳəḡ варежки-DIM-DU *wer-l-əm* делать-NPST-SBJ.1SG
Сестра на улицу бросилась и братика домой зовет: братик мой, домой иди, я здесь тебе нырики и
варежки орнаментом вышью.

Нарратив (7) получен от информанта, которому заранее «задали» временные рамки истории, а именно попросили рассказать о том, что произойдет с ним завтра, т.е. на следующий день. В указанных примерах использованы маркеры *-l/-w/-wəl/-wəl*, которые в заданных контекстуальных условиях относят действия к области будущего временного отрезка:

- (7) *mā* 1SG *kās-l-ām* находить-NPST-SBJ.1SG *mōḡkām* змея
Я найду змею.
(7a) *mān-nə* 1SG *kōḡ* камень *kātə-l-ām* хватать-NPST-SBJ.3SG *pāni* и *jōḡ-l-im* бросать-NPST-SBJ.3SG:OBJ.SG *mōḡkām-pā* змея-ALL
Я схвачу камень и брошу в змею.
(7б) *mōḡkām* змея *il* вниз *ḳolə-wəl* умирать-NPST-SBJ.3SG
Она умрет.

Замечено, что для примеров такого рода характерно регулярное использование лексических средств типа *tīm ḳotl* ‘сегодня’, *it* ‘сейчас’, *ḳoltəḡ* ‘завтра’, однозначно соотносящих действия с временным полем настоящего или будущего времени:

- (8) *mā* 1SG *ḳoltəḡ* завтра *nōḡ-ā* 2SG-LAT *jəl-l-əm* come-NPST-SBJ.1SG
Я завтра к тебе приду.

Суффикс *-l/-n/-wəl/-wəl* в контекстных условиях настоящего момента передает значение настоящего времени, терминологически обозначаемого как «неопределенное настоящее» или «настоящее общее». Форма с указанным суффиксом представляет действие, происходящее в настоящем времени, без привязки к конкретному моменту, например:

- (9) *weli-t-nā-ti* олень-PL-COM-PRTC *māḡ* 1PL *wor* лес *on-nə* нутро-LOC *jəl-il-l-ūḡ* ездить-MULT-NPST-SBJ.1PL
На оленей мы в лесу ездим.
(10) *kōḡəl-ōḡ* полено-ABL *weli* олень *wer-wel-t* делать-NPST-SBJ.3PL
Щепковых оленей делают из щепок (полено).
(11) *ḳoḡ-nə* кто-LOC *tīm* этот *ḳat* дом *wer-l-i?* делать-NPST-PASS.3SG
Кто строит этот дом? (букв. Кем этот дом строится?)

Неограниченная повторяемость и хабитуальный характер протекания действия в настоящем или будущем контексте могут подчеркиваться лексическими единицами *təḳəḡ* ‘всегда’ или *mət* ‘постоянно’, например:

- (12) *oh* *ʒtə* *nõŋ* *əntə* *teŋikin-tə-w-ən* *t'utj* *məʒəʎ*
jök-w-ən
 ок, обращение.к мужчине 2SG NEG надоедать-TR-NPST-SBJ.2SG так постоянно
 танцевать-NPST-2SG
 Ох, брат, тебе не надоело, ты всегда танцуешь.
 (13) *hiy* *mət* *koŋisla-wəl*
 3SG постоянно кашлять-NPST.SBJ.3SG
 Он постоянно кашляет.

В примере (14) значение отнесенности к будущему дополнено модальной семантикой ирреальности, сигнализирующей о возможности события, которая выражается лексически *t'om* 'возможно'. В самом суффиксе *-l/-n/-wəl/-wəl* синкретизм временного и модального значения не наблюдается:

- (14) *mä* *t'om* *koŋtəʎ* *nõŋ-a* *jəl-l-əm*
 1SG возможно завтра 2SG-LAT come-NPST-SBJ.1SG
 Я, возможно, завтра к тебе приду.

В качестве показателя будущего времени может также использоваться видовой суффикс начинательности *-əkätə/-əkatə*. Полисемичный характер обсуждаемого начинательного суффикса был отмечен ранее рядом ученых [25. Р. 98, 109; 51. С. 64].

- (15) *təytəŋ ul* *wänə* *enəm-wəl* *təytəŋ ul*
wan't-əkatə-l-əmən
 гагара ягода скоро расти INCH-NPST.SUB.3SG гагара ягода
 собирать-PRS-SBJ.1DU
 Голубика скоро вырастет, голубику будем собирать.

В северных диалектах хантыйского языка значение будущего времени также может передаваться глаголом с суффиксом начинательного способа действия [40. С. 36], а в сургутском диалекте футуральная семантика кодируется аналитической конструкцией, образующейся сочетанием инфинитива и вспомогательного глагола *nutta* 'начинать делать что-нибудь'. Последний принимает показатель непрошедшего времени *-l* и соответствующий лично-числовой маркер [23. С. 161].

Полисемичная природа непрошедшего суффикса *-l* выражается не только в том, что он используется как маркер действия, которое происходит в момент речи и будет происходить за моментом речи, но и как маркер мультипликативного действия, например:

- (16) *mä* *kut* *čäs-nə* *köləy-il-l-əm*
 1SG шесть час-LOC вставать-MULT-NPST-SBJ.1SG
 Я встаю в шесть утра [множественно].

Это явление наблюдается и в других уральских языках. Исследователи предполагают, что глагольная форма, выражавшая мультипликативность, осмысливалась как форма настоящего времени, поэтому в современных языках уральской семьи некоторые показатели настоящего времени по своей природе являются суффиксами многократных глаголов [52. Р. 186; 53. С. 46].

Таким образом, суффикс непрошедшего времени в формах *-l/-n/-wəl/-wəl* выступает в роли маркера действия, которое темпорально соотносено с моментом в настоящем или будущем и мыслится как од-

норазовое, хабитуальное или повторяемое, мультипликативное. Точное понимание временной локализации называемого действия предопределяется ситуативным контекстом (время, место, обстановка, участники) и может дополнительно обозначаться лексическими единицами с темпоральным значением (*сегодня, завтра*). Все это указывает на отсутствие в содержательной структуре обсуждаемого суффикса сем «настоящее время» или «будущее время».

Далее проанализируем маркеры прошедшего времени. Временная система в языке ваховских ханты является расширенной по сравнению с языками северных и даже других восточных ханты, проживающих южнее [43. Р. 23]. В исследуемом диалекте хантыйского в сфере прошедшего времени выделяются четыре маркера. Если формально временные маркеры учитываются всеми хантологами без исключения, то значения, которые кроются за каждой из четырех употребляемых граммем, трактуются неоднозначно.

Соотнесенность с временным полем прошедшего времени осуществляется посредством морфем *-s*, *-yas/-yäs* и *-yal/-yäl*. Три граммы временного дейксиса, используемые в языке, различают степени отдаленности называемого действия от момента речи. Измерение временной дистанции между ситуацией в прошлом и моментом речи осуществляется приблизительно. Граммемами временной дистанции, или метрического временного дейксиса, являются:

– *-s*: для маркирования ближайшей темпоральной дистанции. В таких случаях ситуация имеет место в момент речи или в непосредственной близости от момента речи;

– *-yas/-yäs*: для маркирования близкой темпоральной дистанции. Обозначаемая ситуация произошла либо в тот же день, либо в умеренно близком отдалении от момента речи;

– *-yal/-yäl*: для маркирования отдаленной темпоральной дистанции. Обозначаемая ситуация отдалена от момента речи одним днем, интервалом в несколько недель, месяцев, лет, столетий.

Семантика материально невыраженного маркера остается не до конца выявленной, вызывает противоречивые мнения среди хантологов и требует дополнительного анализа. В языке современных ваховских ханты показатель *-Ø* используется для маркирования дистанции близкой от момента речи или в момент речи.

Схематически распределение областей, покрываемых темпоральными маркерами на временной оси, представлено на рис. 1.

Рассмотрим каждый из показателей прошедшего времени по отдельности.

Темпоральный маркер *-s* (PST1). Происхождение суффикса *-s* связывают с прахантыйским суффиксом причастия (настояще-

альном значении. Так, они отмечают, что использование формы на *-s* связано с намерением подчеркнуть достоверность события, которое произошло на их глазах либо информацию о котором они получили из достоверных источников, например:

- (27) *ləpək kətəl werə-s*
 темный день делать-SBJ.PST1.3SG
 Потемнело.
- (28) *nī t'itə t'ā mɯ ləl'ə-s pāni niŋ-əl-ā*
taɣəla jə-s
 женщина так PTCL вверх встать-PST1.3SG и женщина-POSS.3SG-LA
 туда прийти-PST1.SBJ.3SG
 Женщина вот встала и к еѡ женщине туда пришла.

Имеющийся языковой материал недостаточен, чтобы принять однозначное решение относительно эвиденциальной семантики суффикса *-s*. Тем не менее описанные выше случаи употребления показателя *-s* позволяют предположить, что временной маркер прошедшего времени является полисемичным и включает в свою содержательную структуру, помимо прочего, семы аспектuality и эвиденциальности.

Темпоральный маркер *-yas/-yās* (PST2). Граммема метрического временного дейксиса *-yas/-yās* (<*-kas/-kās*) описывает ситуацию относительно близкую к моменту речи с точки зрения говорящего и может быть охарактеризована как суффикс недавно прошедшего времени. Ситуация, маркированная указанным суффиксом, могла произойти за час до момента высказывания, на этой же неделе или в этом же году. Ситуация определяется как умеренно близкая к моменту речи приблизительно. Важным фактором является то, что действие, маркированное суффиксом *-yas/-yās*, не связано с моментом речи. Например, в следующем связанном тесте носителю были поставлено условие – рассказать историю, которая случилась с ним за один час до разговора:

- (29) *mā wor on-a kəɣəl-yas-əm*
 1SG лес утро-LAT гулять-PST2-SBJ.1SG
 Я гулял по лесу.
- (29a) *irtəkā mā mōŋkām-ā porəm-yas-əm*
 внезапно 1SG змея-LAT наступать-PST2-SBJ.1SG
 Внезапно я наступил на змею.
- (29б) *lūy-ən mən-t kōr-əm-əɣ pōr-yas*
 3SG-LOC 1SG-ACC нога-POSS.1SG-ABL кусать-PST2.SBJ.3SG
 Она укусила меня в ногу.
- (29в) *mān-nā kōy-nā ti jōy-yās-i mōŋkām-ā*
 1SG-LOC камень-COM-PRTC бросать-PST2-PASS.3SG змея-LAT
 Я бросил камень в змею.
- (29г) *lūy il kələ-yas*
 3SG вниз умирать- PST2-SBJ.3SG
 Она умерла.

В следующей ситуации выбор суффикса *-yas/-yās* объясняется тем, что ситуация произошла не в момент высказывания говорящего, а в какой-то не очень отдаленный момент в прошлом.

(30) <i>pəy-ali-nə</i> юноша-DIM-LOC SBJ.3DU Мальчик с девочкой играют на улице.	<i>oɣ-ali-l-nə-ti</i> девушка-DIM-POSS.3SG-COM-PRTC	<i>kəmən</i> на улице	<i>jəŋka-l-aɣən</i> играть-NPST-
(30a) <i>pəy-ali-nə</i> <i>oɣ-ali-əpə</i> юноша-DIM-LOC девочка-DIM-ALL Мальчик взял мяч и бросил его девочке.	<i>myach</i> мяч	<i>wə-yās-i</i> братъ-PST2-PASS.3SG	<i>pāni</i> и
(31b) <i>oɣ-ali-nə</i> девочка-DIM-LOC Девочка бросила обратно.	<i>pərtəy-pə</i> обратно-ALL	<i>jəy-yās-i</i> бросать-PST2-PASS.3SG	<i>jəy-yās-i</i> бросать-PST2-PASS.3SG

Глаголы, отмеченные показателем недавно прошедшего времени *-yas/-yās*, в предложениях могут сочетаться с такими темпоральными лексемами, как *tim alnə* ‘в этом году’, *(tim) ələn* ‘сегодня утром’, *tim ɣotl* ‘сегодня’, *(tim) itən* ‘сегодня вечером’, *tim ikinə* ‘на этой неделе’, например:

(31) <i>tīm</i>	<i>al</i>	<i>əllə</i>	<i>wār</i>	<i>iki-nə</i>	<i>ārki</i>	<i>morəḵ</i>	<i>enəm-yās</i>
это	год	большой	запор	месяц-LOC	много	морозка	вырастать-
PST2.SBJ.2SG							
В этом году в августе месяце (месяце больших запоров) много морозки выросло.							
(32) <i>mā</i>	<i>ələn</i>	<i>muŋka</i>	<i>nuɣ</i>	<i>kūl-yās -əm</i>	<i>pāni</i>	<i>kilə-yl-əm</i>	<i>wə-min</i>
1SG	утром	PTCL	вверх	встать-PST2-SBJ.1SG	и	набирка-DU-POSS.1SG	взять-CVB
<i>kā</i>	<i>kil-ali-kən</i>		<i>əkm</i>	<i>kil-ali-kən</i>		<i>wə-min</i>	<i>wor</i>
два	набирка-DIM-DU		маленький	набирка-DIM-DU		взять-CVB	лес
<i>on-pa</i>	<i>t'a</i>	<i>mən-yās-əm</i>					
нутро-ALL	PTCL	идти-PST2.SBJ.1SG					
Я утром встала, две мои набирки, мои две набирки взяв, две набирочки, маленькие две набирочки взяв, в лес пошла.							

Наличие лексических единиц с темпоральной семантикой в предложении не обязательно, поскольку маркер *-yas/-yās* соотносит ситуацию с моментом неотдаленного прошлого. Понимание говорящим неотдаленности события в прошлом не является строго фиксированным или предопределенным, все метрические соответствия приблизительные, поэтому само событие могло фактически произойти в разные моменты в прошлом: как в тот же день, когда высказывание было произнесено, так и за год до него, все на усмотрение говорящего.

Как показывает анализ языкового материала, суффикс недавно прошедшего времени *-yas/-yās* кодирует исключительно семантику относительной близости называемого действия в прошлом к ситуации речи, поэтому его можно квалифицировать как моносемичный суффикс.

Темпоральный маркер *-yal/-yāl* (PST3). Маркер *-yal/-yāl* (< *-kal/-kāl*) также вовлечен в парадигматические отношения с суффиксами прошедшего времени и в этой оппозиции функционально ориентирован на маркирование самого отдаленного периода в прошлом с точки зрения говорящего. Данный показатель охватывает довольно обширный временной отрезок в прошлом, который может быть отдален от момента речи одним днем, несколькими днями, неделями, месяцами, годами и столетиями.

Следующий фрагмент текста был получен от информанта, которому поставили задачу рассказать о событии, которое случилось с его другом вчера:

- (33) *lūy* *wor* *on-a* *koʻyāl-yāl* *məlaqotl*
 3SG лес нутро-LAT гулять-PST3.SBJ.3SG вчера
 Он вчера гулял по лесу.
- (38a) *irtakə* *məŋkəm-a* *porəm-yāl*
 внезапно змея-LAT наступать-PST3.SBJ.3SG
 Внезапно он наступил на змею.
- (38b) *lūy-ən* *kör-əl-oy* *pör-yāl-i*
 3SG-LOC нога-POSS.3SG-ABL кусать-PST3-PASS.3SG
 Она укусила его в ногу.
- (8a) *lūy-ən* *köy* *katl-yāl* *päni* *jöy-yāl-tə* *məŋkəm-pä*
 1SG-LOC камень хватать-PST3.SBJ.1SG и бросать-PST3-SBJ.3SG-OBJ.SG змея-ALL
 Он взял камень и бросил в змею.
- (39a) *lūy* *il* *kolə-yāl*
 3SG вниз умирать-PST3-SBJ.3SG
 Она умерла.

Как следует из материалов, лексема *məlaqotl* ‘вчера’ и суффикс отдаленного времени *-yāl/-yāl* часто употребляются одновременно, например:

- (34) *lūy* *nipik-ət* *qəŋčə-yāl* *məlaqotl*
 3SG книга-PL писать-PST3.SBJ.3SG вчера
 Он писал письма вчера.
- (35) *məlaqotl* *qəŋək* *wəl-yāl* *tim* *qotl* *emtər* *ət’əy-ək*
 вчера теплый быть-PST3.SBJ.3SG этот день озеро холодный-PRED
 Вчера вода была теплая, сегодня холодная.
- (36) *mä* *juy* *ojnə* *aməs-t-am-oy* *män-ä* *naɣər*
kör-käl *məlaqotl*
 1SG дерево под сидеть-IPFV.PTCP-1SG-ABL 1SG-LAT шишка
 падать-PST3.SBJ.3SG вчера
 Когда я вчера сидел под деревом, на меня упала шишка.

Отдаленность события, произошедшего в прошлом, может быть очень значительной, что и маркируется суффиксом *-yāl/-yāl*. Следующий образец текста был рассказан носителем, когда его попросили соотнести сообщаемые действия с периодом его детства:

- (37) *mä* *wor* *on-a* *koʻyāl-yāl-əm*
 1SG лес нутро-LAT гулять-PST3-SBJ.1SG
 Я гулял по лесу.
- (42a) *irtakə* *mä* *məŋkəm-a* *porəm-yāl-əm*
 внезапно 1SG змея-LAT наступать-PST3-SBJ.1SG
 Внезапно я наступил на змею.
- (42b) *lūy-ən* *män-t* *kör-am-oy* *pör-yāl*
 3SG-LOC 1SG-ACC нога-POSS.1SG-ABL кусать-PST3
 Она укусила меня в ногу.
- (42a) *mä* *köy* *wə-yāl-əm* *päni* *jöy-yāl-i* *məŋkəm-ä/pä*
 1SG-LOC камень брать-PST3-SBJ.1SG и бросать-PST3-PASS.3SG змея-
 LAT/ALL
 Я взял камень и бросил в змею.
- (43e) *lūy* *il* *kolə-yāl*
 3SG вниз умирать-PST3-SBJ.3SG
 Она умерла.

Если маркер *-yāl/-yāl* сигнализирует о событии, которое произошло давно в прошлом, то возможно употребление следующих лексем: *ilən* ‘раньше’, *mälät ilən koʻyən* ‘давным-давно’, *ilnowət-nə* ‘в старину’ *iləŋ nowənənə* ‘с давних времен’, например:

- (38) *ilən* *qa* *jay* *salnaŋ* *kuł* *kuł* *salnatay-il-yāl-t*
 раньше PTCL люди соленый рыба рыба засаливать-MULT-PST3-SBJ.3PL
it *os* *qoji-pə* *kuł* *əntə* *salinta-wəl*
 сейчас еще кто-EMPH рыба NEG солить-NPST.SBJ.3SG
 Раньше люди соленую рыбу... рыбу засаливали, а сейчас никто рыбу не солит.
- (39) *mälät ilən koʻyən mälät ilən koʻyən* *əse-t* *wor* *on-nə* *wəl-yāl-t*
 глубина раньше давно глубина раньше давно мать-PLлес нутро LOC жить-PST3-SBJ.3PL
 Давным-давно, давным-давно в лесу жила семья.
- (40) *ilnowət-nə* *jay* *n’ən’* *wər-yāl-t* *pəroj* *n’ən’*
 старина-LOC люди хлеб делать-PST3-SBJ.3PL зола хлеб
 Раньше люди хлеб делали в золе.

В предложениях, где глагол маркирован суффиксом отдаленного прошедшего времени, часто встречается наречие с нейтральной семантикой *əjlānə* ‘однажды’, например:

- (41) *əjlānə əŋki-təl* *kan't'i pit-kəl* *kan't'i pit-kəl*
 однажды-мать-POSS.3PL боль становится-PST3.SBJ.3SG боль становится-PST3.SBJ.3SG
pāni wor onl-nə *suýtaw* *kol't'ay wə-l-i*
 и лес нутро-LOC лекарство откуда взять-NPST-PASS.3SG
 Однажды их мать заболела, заболела, а в лесу лекарство откуда взять?

Во многих случаях наличие темпоральных лексем в предложении может быть избыточным, поскольку семантика суффикса *-yal/-yäl* локализует обозначаемое действие в отдаленный момент в прошлом. В таких случаях темпоральные лексемы не используются.

- (42) *koj-nə* *tim* *kat* *wər-yäl-i?*
 кто-LOC этот дом делать-PST3-PASS.3SG
 Кто строил это дом?

Таким образом, суффикс отдаленного прошедшего времени *-yal/-yäl* кодирует исключительно семантику значительной отдаленности называемого действия в прошлом от ситуации речи, поэтому его можно квалифицировать как моносемичный суффикс.

Темпоральный маркер *-Ø* (NST). Семантика материально невыраженного суффикса оказалась самой противоречивой.

Проанализированный языковой материал позволяет сделать предварительный вывод о том, что нулевой суффикс может связывать ситуацию как с настоящим моментом, так и с моментом в прошлом, а это сигнализирует о нейтральности маркера *-Ø* по отношению к выражаемому времени.

В полученных языковых данных нулевой маркер кодирует ситуацию, соотносящую длительное незаконченное действие с моментом речи в настоящем. Во всех образцах речи прослеживается дополнительное аспектуальное значение незаконченности действия, например,

- (43) *kāt* *āni-sja-yən* *t'u* *wəl-əyən*
t'u *wəl-əyən*
 два старшая.сестра-DERIV-DU продолжительно жить-NST.SBJ.3DU
 продолжительно жить-NST.SBJ.3DU
 Сестра с братом живут себе, живут.

В следующей серии примеров нулевой маркер указывает на непосредственную связь с настоящим периодом, несмотря на то, что начало действия может инициироваться в какой-либо момент в прошлом:

- (44) *mān-nə* *əntə* *tōŋəm-t-i2*
 1SG-LOC NEG знать-TR-NST.PASS
 Я не знаю.
 (45) *mān-nə* *tōŋəm-t-i*
 1SG-LOC знать-TR-NST.PASS

- Я знаю его.
 (46) *mā tōḡam-t-īm*
 1SG знать-TR-NST.SBJ.1SG:3SG
 Я знаю его.
 (47) *mān-nə tōḡam-t-i ilāḡ sergej*
 1SG-LOC знать-TR-NST.PASS давний Сергей
 Я знаю Сергея давно.
 (48) *mān-nə ilāḡ nowəna-nə tōḡam-t-i mikola*
 1SG-LOC давний век-LOC знать-TR-NST.PASS Николай
 Я с давних времен знаю Николая.

Нулевой маркер часто встречается на глаголе *jäytä* ‘говорить’, например:

- (49) *pəy-ali āni-l-ā t'utj jāy-iyān:*
 юноша-DIM сестра-POSS.3SG-LAT так говорить-NST.SBJ.3SG
 Мальчик сестре так говорит.

В примерах ниже нулевой показатель на одном и том же глаголе относит действие к настоящему моменту (50) и к прошлому (51):

- (50) *mā ət'ī-m t'utj jāy-iyān jāḡk ət'əy-əki*
 1SG старший.брат-POSS.3SG так сказать-NST.SBJ.3SG вода холодный-PRED
 Мой брат говорит, что вода холодная.
 (51) *mā ət'ī-m t'utj jāy-iyān mələkoil jāḡk ət'əy*
 1SG старший.брат-POSS.3SG так сказать-NST.SBJ.3SG вчера вода холодный
 быть-PST.1.3SG
 Мой брат вчера говорил, что вода была холодная.

В серии примеров, приведенных ниже, действия выражены разными глаголами и маркированы разными временными суффиксами, например суффиксом непрошедшего времени *-l* и нулевым маркером *-Ø*. Тем не менее в обоих случаях они соотносят ситуацию с настоящим моментом:

- (52) *lōḡkr-ali n'əlḡ-iyān lūy-ān əntə tōḡam-t-i*
 мысль-DIM радоваться-NST.SBJ.3SG 3SG-LOC NEG понимать-TR-NST.PASS
wajy-ət lūy-ā *līsəy-wəl-t*
 зверь-PL.3SG-LAT смеяться-NPST-SBJ.3PL
 Мышонок радуется, он не понимает, что птички над ним смеются.
 (53) *əntə qəḡca-nə-wəl wəj-iyān*
 NEG писать-ITR-NPST.SBJ.3SG спать-PST.SBJ.3SG
 Он не пишет, спит.

Материально невыраженный маркер может использоваться и в случаях, когда семантика глагола интегрирует в себе аспектуальное значение длительности, ср.:

- (54) *t'ulerə wutl-iyān tiyā-pa li-ā tayə-pa*
 до.того подуть-NST.SBJ.3SG сюда-ALL смотреть-EP-IMP.SBJ.SG. туда-ALL
li-y-ā əjnām nāyi nāyi-eki lōk əntə kəlt-iyān
 смотреть-EP-IMP.SBJ.SG все белый белый-PRD дорога NEG.PTCL показаться-NST.SBJ.3SG
 До того дует (сегодня такой ветер), сюда посмотри, туда посмотри, все белое, дороги не видно.
 (55) *nī tla il qol-iyān*
 женщина PTCL низ умереть-NST.3SG
 Эта женщина вот умирает.

До того дует (сегодня такой ветер), сюда посмотри, туда посмотри, все белое, дороги не видно.

- (55) *nī tla il qol-iyān*
 женщина PTCL низ умереть-NST.3SG
 Эта женщина вот умирает.

В примерах, где действие маркировано материально невыраженным суффиксом, ситуация может быть отнесена как к настоящему, так и к неопределенному моменту в прошлом, например:

(56) <i>səwəs</i> лесной.дух NST.SBJ.3SG	<i>iki</i> старик	<i>tōyā-nā</i> огонь-LOC	<i>li-l-āl-ōy</i> есть-IPFV.PTCP-3SG-ABL	<i>t'umjā</i> такой	<i>sōj</i> звук	<i>wer-iyən</i> делать-
--	----------------------	-----------------------------	---	------------------------	--------------------	----------------------------

Когда Севсики костер пожирал, он такой звук издавал. Ср. с переводом, предложенным носителем: Севсики костер съедает, и звук такой издает...

В примере (57) фрагмент длительной ситуации, протекающий в момент речи, материально на глаголе не выражен, а законченный к настоящему времени фрагмент ситуации маркирован суффиксом *-s*. Можно предположить, что темпоральные суффиксы вовлечены в маркирование оппозиционных отношений аспектуальных значений законченности – незаконченности действия, выраженного глаголом:

(57) <i>oyrj-j-ā jō-s</i> дверь-LAT NST.SBJ.3SG	<i>pāni</i> приходить-PST2.SBJ.3SG	<i>kōč</i> и	<i>joj</i> никак.ни	<i>wərayt-iyən</i> домой рваться-
---	---------------------------------------	-----------------	------------------------	--------------------------------------

К двери пришел и никак домой попасть не может.

Анализ языковых данных, полученных от современных носителей ваховского диалекта, показывает, что нулевой суффикс практически перешел в сферу настоящего времени и совмещает в себе аспектуальное значение незаконченности действия.

Заключение

Полевые данные, послужившие источником материала исследования, позволяют сделать заключение о том, что временная система глагола в ваховском диалекте хантыйского языка идентична соответствующим системам других хантыйских диалектов в области выражения абсолютного временного дейксиса: грамматические времена хантыйского глагола формируют двучленную оппозицию по типу «прошедшее/непрошедшее». Полевые данные подтверждают, что совокупность граммем времени в ваховском хантыйском включает в себя следующие единицы: функционально однородные суффиксы *-l/-w/-wāl/-wāl* для маркирования непрошедшего действия в разных лицах и числах и три функционально различных суффикса *s*, *-yas/-yās*, *-yal/-yāl* для маркирования действий в прошлом. Природа материально невыраженного показателя остается не до конца изученной.

Своеобразие системы показателей времени ваховского глагола заключается в их большей численности в поле прошедшего времени и связанной с этим их большей специализацией в выражении значений метрического временного дейксиса. Так, согласно материалам полевых записей, суффиксы прошедшего времени в исследуемом диалекте вступают в парадигматические отношения по шкале «близость/отдаленность» действия от момента речи. Суффикс *-s* ориентирован на маркирование ближайшей темпоральной дистанции, *-yas/-yās* сигнализирует о близ-

кой темпоральной дистанции, в то время как суффикс *-yal/-yäl* указывает на отдаленную темпоральную дистанцию. Суффикс *-Ø* функционирует как амбивалентный показатель, поскольку он может помечать действие как в настоящем, так и в прошедшем времени, при этом он обнаруживает тенденцию к закреплению за собой функции маркера настоящего времени.

Анализ новейших языковых данных позволил также установить, что некоторые ваховские глагольные темпоральные суффиксы обладают синкретичной семантикой и могут сигнализировать об аспектуальных характеристиках обозначаемого действия. Языковые примеры свидетельствуют в пользу того, что суффикс *-s* может маркировать семантику завершенности и результативности действия, а нулевой суффикс – семантику незаконченности действия. Суффиксы ближнего и отдаленного прошлого, *-yas/-yäs* и *-yal/-yäl* соответственно, в выражении аспектуальных значений не задействованы.

Интерпретация представленных в статье темпоральных суффиксов опирается на новейшие полевые данные и может послужить основой для дальнейших исследований категорий ваховского глагола в сравнительном аспекте.

Список принятых сокращений

ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ALL – аллатив, COM – комитатив, COMP – компаратив, CNV – конверб, DERIV – деривационный, DIM – диминутивный, DU – двойственный, EP – эпентетический, IMP – императивный, INCH – инхоативный, IPFV.PTCP – имперфективное причастие на *-tə/-tä*, ITR – итеративный, EVID – эвиденциальный, LAT – лативный, LOC – локативный, MONT – моментативный, MONT.DIM – моментативно-диминутивный, MULT – мультипликативный, MULT.INTR – моментативно-интранзитивный, NEG.PRTC – отрицательная частица, NPST – непрошедшее, NST – бессуффиксальное, OBJ – объектное, PFV.PTCP – перфективное причастие на *-m*, PST1 – прошедшее на *-s*, PST2 – прошедшее на *-yas/-yäs*, PST3 – прошедшее на *-yal/-yäl*, PASS – пассивный, PL – множественный, POSS – посессивный, PRED – предикативный, PRTC – частица, SBJ – субъектный, SG – единственный, TR – транслативный.

Список источников

1. **Grinevald C.** Speakers and Documentation of Endangered Languages. Language Documentation and Description. L., 2003. Vol. 1. P. 52–72.
2. **Dahl Ö.** Tense and Aspect System. Oxford, 1985.
3. **Bhat D.N.** The prominence of tense, aspect and mood. Amsterdam/Philadelphia, 1935.
4. **Prior A.** Past and Future. Oxford, 1967.
5. **Lyons J.** Introduction to theoretical linguistics. Tense, mood and aspect. Cambridge, 1968. P. 304–317.
6. **Lyons J.** Semantics. Cambridge, 1977.
7. **Comrie B.** Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, 1976.
8. **Johnson M.M.** A unified temporal theory of tense and aspect. P.J. Tedeschi and A. Zaenen, Syntax and Semantics. Tense and Aspect. N.Y., 1981. № 14. P. 145–175.

9. *Dahl Ö.* Tense and Aspect in the languages of Europe. Berlin ; New York, 2000.
10. *Bybee J., Perkins R. and Pagliuca W.* The Evolution of Grammar. Tense, aspect, and modality in the language of the world. Chicago ; London, 1994.
11. *Klein W.* Time in Language. L. ; N.Y., 1994.
12. *Binnick R.I.* Temporality and aspectuality Language. M. Haspelmath, Typology and Language Universals // An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. P. 557–567.
13. *Lindstedt J.* Tense and aspect. M. Haspelmath, Language Typology and Language Universals // An International Handbook. Berlin ; New York, 2001. P. 768–783.
14. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
15. *Серебренников Б.А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.
16. *Ооржак Б.Ч.* Временная система тувинского языка. М., 2014.
17. *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
18. *Никулеску Р.И.* От безвидового языка к видовому // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 115–121.
19. *Иваницкий В.В.* Основы общей и контрастивной аспектологии. Кемерово, 1991.
20. *Кароляк С.* К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // Типология вида: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г. М., 1998. С. 167–182.
21. *Рунг Э.В., Габелко О.Л.* Древнегреческий язык : учеб. пособие. Казань, 2010.
22. *Declerck R.* Tense in English: its structure and use in discourse. L., 1991.
23. *Чепреж М.* Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2017.
24. *Rédei K.* Northern Ostyak chrestomathy (Muzhi dialect). Bloomington, Indiana, 1965.
25. *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Uralic and Altaic Series 51. Bloomington : Indiana University – Mouton & Co. The Hague, 1966.
26. *Черемисина М.И., Ковган Е.В.* Хантыйский глагол. Методические указания к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1989.
27. *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1984/1986.
28. *Steinitz W.* Хантыйский язык. Языки и письменность народов Севера. М., 1937. С. 193–227.
29. *Животиков П.К.* Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект), Ханты-Мансийск, 1942.
30. *Терёшкин Н.И.* Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки / под ред. В.И. Лукина, К.И. Майтинской. М. : Наука, 1966. С. 319–342.
31. *Шаламова Н.Н.* Выражение способ действия в вах-васюганском диалекте хантыйского языка : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
32. *Дэжэ Л.* Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984.
33. *Баталова Р.М.* Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990.
34. *Репин А.* К вопросу о различии лексико-грамматических способов выражения видовых значений в эстонском и финских языках // Fenno-Ugristica. 1990. № 17. С. 155–159.
35. *Шеболкина Е.* Категория вида в коми языке // Linguistica Uralica. 1996. № 4. С. 270–277.
36. *Агранат Т.Б.* Функции превербов в современном венгерском языке // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 1989. № 4. Р. 262–273.
37. *Ясаи Л.* Особенности выражения видовых значений в венгерском языке (типологические наблюдения) // Типология вида: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., 16–19 сентября 1997 г. М., 1998. С. 508–513.

38. *Márk T.* Tempus und Aspekt im Samojedischen // *Specimina Sibirica* III. 1990. P. 137–141.
39. *Kuznečova N., Bolsunovskaja L.* Category of Aspect in Samoyed Languages // *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 13.08.2000. Tartu, 2000. Vol. 7 (II). P. 143.
40. *Каксин А.Д.* Категория наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка. Томск, 2000.
41. *Терёшкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л., 1961. Ч. 1.
42. *Kálmán B.* The History of the Ob-Ugric Languages // *The Uralic languages: description, history, and foreign influences* / ed. by D. Sinor. Brill Academic Publ., 1988. T. 1. P. 395–412.
43. *Forsberg U.M.* Ostiacica; Manuscripta castreniana Linguistica V; Attempt at an Ostyak grammar with a short word list by Dr. M. Alexander Castrén / ed. by Ulla-Maija Forsberg, 2018.
44. *Karjalainen K.F., Vértés E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. Helsinki, 1964.
45. *Filchenko A.Yu.* A Grammar of Eastern Khanty : Doctor of Philology Thesis. Houston, Texas, 2007.
46. *Майтунская К.Е.* Финно-угорские языки. Введение // *Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки*. М., 1966. № 3. С. 319–341.
47. *Хайдоу П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
48. *Хонти Л.* Ваховский диалект хантыйского языка // *Народы Северо-Западной Сибири*. Томск, 1995. № 2. С. 3–22.
49. *Ganshow G.* Die Verbalbildung im Ostjakischen. Wiesbaden, 1965.
50. *Осипова О.А., Шаламова Н.Н.* Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка // *Linguistica Uralica*. 2001. № 3. С. 34–46.
51. *Майтунская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.
52. *Taali W.* The Origin of Affixes // *FUF*. 1956. Bd. XXXII, Heft 1-2. P. 170–225.
53. *Серебренников Б.А.* К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка // *Вопросы языкознания*. 1970. № 2. С. 29–49.

References

1. Grinevald C. (2003) Speakers and Documentation of Endangered Languages. *Language Documentation and Description*. Vol. 1, London. pp. 52–72.
2. Dahl Ö. (1985) *Tense and Aspect System*, Oxford.
3. Bhat D.N. (1935) The prominence of tense, aspect and mood. Amsterdam/Philadelphia.
4. Prior A. (1967) *Past and Future*, Oxford.
5. Lyons J. (1968) Introduction to theoretical linguistics. Tense, mood and aspect. Cambridge. pp. 304–317.
6. Lyons J. (1977) *Semantics*, Cambridge.
7. Comrie B. (1976) *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge.
8. Johnson M.M. (1981) A unified temporal theory of tense and aspect. P.J. Tedeschi and A. Zaenen, *Syntax and Semantics. Tense and Aspect*, New York. 14. pp. 145–175.
9. Dahl Ö. (2000) *Tense and Aspect in the languages of Europe*, Berlin-New York.
10. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. (1994) *The Evolution of Grammar. Tense, aspect, and modality in the language of the world*. Chicago and London.
11. Klein W. (1994) *Time in Language*, London and New York.
12. Binnick R. I. (2001) Temporality and aspectuality *Language. M. Haspelmath, Typology and Language Universals. An International Handbook*. 1. Berlin and New-York. pp. 557–567.

13. Lindstedt J. (2001) Tense and aspect. M. Haspelmath, Language Typology and Language Universals. An International Handbook. 1. Berlin and New-York. pp. 768–783.
14. Plungian V.A. (2011) Vvedenie v grammaticeskiju semantiku: grammaticeskie znachenija i grammaticeskie sistemy jazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]. M.
15. Serebrennikov B.A. (1960) Kategorija vremeni i vida v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp [The category of time and aspects in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 300 p.
16. Oorzhak B.Ch. (2014) Vremennaja sistema tuvinskogo jazyka [Temporary system of the Tuvan language]. M.
17. Comrie B. (1985) Tense, Cambridge.
18. Nikulesku R.I. (1984) Ot bezvidovogo jazyka k vidovomu [From a language with aspect to a language without aspect]. Voprosy jazykoznanija. 2. pp. 115–121.
19. Ivanickij V.V. (1991) Osnovy obshhej i kontrastivnoj aspektologii [Fundamentals of general and contrastive aspectology]. Kemerovo.
20. Karoljak S. (1998) K voprosu o tipologii vida v slavjanskij i romanskij jazykah [On the issue of the typology of the aspects in the Slavic and Romance languages]. Tipologija vida: problemy, poiski, reshenija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 16–19 sentjabrja 1997, MGU imeni M.V. Lomonosova. M. pp. 167–182.
21. Rung E.V., Gabelko O.L. (2010) Drevnegrecheskij jazyk [Ancient Greek language]. Uchebnoe posobie. Kazan.
22. Declerck R. (1991) Tense in English: its structure and use in discourse, London.
23. Chepregi M. (2017) Surgutskij dialekt hantyjskogo jazyka [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk.
24. Rédei K. (1965) Northern Ostyak chrestomathy (Muzhi dialect), Bloomington. Indiana.
25. Gulya J. (1966) Eastern Ostyak Chrestomathy. Uralic and Altaic Series 51. Indiana University – Mouton & Co., Bloomington – The Hague.
26. Cheremisina M.I., Kovgan E.V. (1989) Hantyskij glagol. Metodicheskie ukazaniya k kursu «Obshhee jazykoznanie» [The Khanty verb. Methodical instructions for the course “General Linguistics”], Novosibirsk.
27. Honti L. (1984/1986) Chrestomathia Ostiacica. Budapest.
28. Steinitz W. (1937) Hantyskij jazyk. Jazyki i pis'mennost' narodov Severa [The Khanty language. Languages and writing of the peoples of the North]. M. pp. 193–227.
29. Zhivotikov P.K. (1942) Ocherk grammatiki hantyjskogo jazyka (sredne-obskoj dialekt) [Essay on the grammar of the Khanty language (Middle Ob dialect)]. Khanty-Mansiysk.
30. Terjoshkin N.I. (1966) Hantyskij jazyk [The Khanty language]. Jazyki narodov SSSR. Vol. 3 Finno-ugorskie i samodijskie jazyki, Pod red. V.I. Lukina i K.I. Majtinskij. M.: Nauka. pp. 319–342.
31. Shalamova N.N. (2001) Vyrazhenie sposob dejstviya v vah-vasjuganskom dialekte hantyjskogo jazyka [Expressions of means of actions in Vakh-Vasyugan Khanty]. Philology cand. dis. Tomsk.
32. Dezhо L. (1984) Tipologicheskaya kharakteristika russkoj grammatiki v сопоставлении s vengerskoj [Typological characteristics of Russian grammar in comparison with Hungarian]. Budapest.
33. Batalova P.M. (1990) Unificirovanное opisanie dialektov ural'skij jazykov. On'kovskij dialekt komi-permjackogo jazyka [Unified description of dialects of the Uralic languages. The Onkovsky dialect of the Komi-Permian language], M.
34. Repin A. (1990) K voprosu o razlichii leksiko-grammaticeskijh sposobov vyrazhenija vidovyh znachenij v jestonskom i finskij jazykah [On the question of the difference between lexical and grammatical ways of expressing aspectual meanings in Estonian and Finnish]. Fenno-Ugristica. 17. pp. 155–159.
35. Shebolkina E. (1996) Kategorija vida v komi jazyke [Category of the aspects in the Komi language]. Linguistica Uralica. 4. pp. 270–277.

36. Agranat T.B. (1989) Funkcii preverbov v sovremennom vengerskom jazyke [Functions of preverbs in modern Hungarian]. Journal of Siberian Federal University. 4. pp. 262–273.
37. Jasai L. (1998) Osobennosti vyrazhenija vidovyh znachenij v vengerskom jazyke (tipologicheskie nabljudenija) [Features of the expression of aspect meanings in the Hungarian language (typological observations)]. Tipologija vida: problemy, poiski, reshenija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 16–19 sentjabrja 1997, MGU im. M.V. Lomonosova, M.
38. Márk T. (1990) Tempus und Aspekt im Samojedischen. Specimina Sibirica III. pp. 137–141.
39. Kuznečova N., Bolsunovskaja L. (2000) Category of Aspect in Samoyed Languages. Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 13.08.2000, Tartu 7 (II). p. 143.
40. Kaksin A. D. (2000) Kategorija naklonenija-vremeni v severnyh dialektah hantyjskogo jazyka [Category of mood-time in Northern Khanty]. Tomsk.
41. Tereshkin N.I. (1961) Očerki dialektov hantyjskogo jazyka (Vahovskij dialekt) [Sketches of Khanty dialects (Vakh dialect)]. Part I. Leningrad.
42. Kálmán B. (1988) The History of the Ob-Ugric Languages. The Uralic languages: description, history, and foreign influences. Vol. 1. Sinor D. (ed.). Brill Academic Pub. pp. 395–412.
43. Forsberg U.M. (2018) Ostiacica; Manuscripta castreniana Linguistica V; Attempt at an Ostyak grammar with a short word list by Dr. M. Alexander Castrén: Edited by Ulla-Maija Forsberg.
44. Karjalainen K.F., Vértés E. (1964) Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten, Helsinki.
45. Filchenko A.Yu. (2007) A Grammar of Eastern Khanty. Doctor of Philology Thesis. Houston, Texas.
46. Maytinskaya K.E (1966) Finno-ugorskie jazyki. Vvedenie. Jazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodijskie jazyki Finno-Ugric languages. Introduction. Languages of the peoples of the USSR. Finno-Ugric and Samoyed languages. 3. M. pp. 319–341.
47. Hajdu P. (1985) Ural'skie jazyki i narody [Uralic languages and peoples]. M.
48. Honti L. (1995) Vahovskij dialekt hantyjskogo jazyka [Vakh Khanty]. Narody Severo-Zapadnoj Sibiri. 2. Tomsk. pp. 3–22.
49. Ganshow G. (1965) Die Verbalbildung im Ostjakischen, Wiesbaden.
50. Osipova O.A., Shalamova N.N. (2001) Suffiksy zalogovogo i vidovogo znachenija v vasyuganskom dialekte hantyjskogo jazyka [Suffixes of voice and aspect meaning in the Vasyugan dialect of the Khanty language]. Linguistica Uralica. 3. pp. 34–46.
51. Maytinskaya K.E. (1979) Istoriko-sopostavitel'naja morfologija finnougorskikh jazykov [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. M.
52. Taulli W. (1956) The Origin of Affixes // FUF. Bd. XXXII. Heft 1-2. pp. 170–225.
53. Serebrennikov B.A. (1970) K probleme otrazhenija razvitiya chelovecheskogo myshlenija v strukture jazyka [On the problem of reflection of the development of human thinking in the structure of a language]. Voprosy jazykoznanija. 2. pp. 29–49.

Информация об авторах:

Воробьева В.В. – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); научный сотрудник, Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН (ул. А. Солженицына, 25, Москва, Россия, 109004). E-mail: vorobeva@tpu.ru

Новицкая И.В. – доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: imo2012@yandex.ru

Дубровская Н.В. – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: ruraru@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vorobeva V.V. – Ph.D. (Philology), Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Lenin Ave., 30, Tomsk, Russia, 634050); researcher, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (A. Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004). E-mail: victoriavorobeva@mail.ru

Novitskaya I.V. – D.Sc. (Philology), Associate Professor, National Research Tomsk State University (Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050). E-mail: irno2012@yandex.ru

Dubrovskaya N.V. – Ph.D. (Philology), Associate Professor, senior researcher, National Research Tomsk State University (Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050). E-mail: rurar@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 16.12.2021; принята к публикации 07.02.2022

Received 16.12.2021; accepted for publication 07.02.2022